Текст · 19 апреля 2023, 16:29
Елизавета Нестерова, Сергей Голубев,

«Это любой разговор на кухне». Речь адвоката Даниила Бермана, который защищает экс-полицейского, говорившего о войне по телефону

Сергея Клокова (Веделя) обвиняют в публичном распространении «фейков» о российской армии, совершенном группой лиц с использованием своего служебного положения по мотивам ненависти (пункты «а», «б» и «д» части 2 статьи 207.3 УК). В ходе прений гособвинитель подробно перечислил, что именно следствие посчитало «распространением». Например, 9 марта Ведель по телефону сообщал знакомым «об огромных потерях» на фронте, об отказе признавать эти потери и вывозить тела погибших с территории Украины, о расстрелах в подразделениях за отказ выполнять приказы, о целенаправленном разрушении городов и убийствах мирного населения, включая детей.

«Прошло уже более 80 лет, а методы и риторика пропагандистов не меняется. Источником этой лжи, которую распространял Ведель, были украинские пропагандистские ресурсы», — говорил прокурор. На момент звонков Ведель служил в МВД, а значит, по мнению обвинения, «распространял пропаганду» среди сотрудников.

«Он рассказывал, что Российская Федерация — страна-убийца, что Ведель будет брать Кремль, что российский паспорт ему больше не понадобится...

Геноцидом он описывал события в Крыму, а именно бескровный референдум», — надрывался гособвинитель. Отдельно Привезенцева возмутило, что Ведель приветствовал своих собеседников лозунгом «Слава Украине!»: по мнению обвинителя, это была «система распознавания "свой — чужой"».

Адвокат Даниил Берман выступил в прениях после прокурора и объяснил, почему личные телефонные разговоры не могут считаться «публичным распространением информации» и чем абсурдно уголовное дело против Сергея Веделя. «Медиазона» публикует речь адвоката с незначительными сокращениями.

Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, уважаемые присутствующие!

Я несколько обескуражен тем, что сказал государственный обвинитель, поскольку, с моей точки зрения, в принципе в его словах был выход за рамки тех обвинений, которые были предъявлены.

Эрнст Тельман, немецкий политзаключенный, говорил, что мы живем в ужасные времена, потому что приходится доказывать очевидные вещи.

Вот, по-моему, все материалы этого уголовного дела, в том числе слова государственного обвинителя, как раз представляют собой попытку опровергнуть абсолютно очевидные вещи и вывернуть имеющиеся факты. Как раз само такое обвинение является по своей природе фейком.

Очевидным для меня представляется то обстоятельство, что данное уголовное дело является попыткой вмешательства публичной власти в частную жизнь граждан.

Война, или специальная военная операция, военный конфликт — как ни назови, но подобные события всегда окружены определенным туманом. Как тогда, когда оно начинается, как тогда, когда оно происходит, так и через десятки лет после окончания. До сих пор люди спорят, чья роль была ведущей во Второй мировой войне. Американцы в своих учебниках пишут, что они, наши пишут, что мы. И они между собой до сих пор спорят. Что из этого является фейком, а что из этого является мнением?

В данном случае абсолютно бытовые личные разговоры моего подзащитного выдаются за публичное распространение информации. Я уверен, что и государственному обвинителю, и следователю отлично известно решение Пленума[I], и какая

сложилась практика, и что есть такое публичное распространение информации. К публичному распространению информации следует отнести выступления на митингах, перед толпой, перед людьми, где, как правило, есть один оратор и есть его слушатели.

В то же время, когда человек разговаривает по телефону в частном, приватном разговоре сначала с одним человеком, потом с другим человеком и через какое-то время еще с третьим человеком, такое никоим образом нельзя относить к публичному распространению информации. В этом обвинение как минимум заблуждается.

И нет никакого смысла говорить об остальных обстоятельствах данного дела. Все это имело бы хотя бы какую-то основу только при условии, что в статье[2], которую законодатель недавно ввел в оборот — в марте прошлого года, — был бы оборот «распространение информации», но там написано: «публичное распространение информации».

Сергей Ведель. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Согласно материалам уголовного дела, разговоры моего подзащитного прослушивались с начала 2022 года. Специальная военная операция началась 24 февраля 2022 года. И за все это время они нашли только три разговора, которые они считают преступлением. Если бы мой подзащитный был таковым, каким его представляет обвинение, если он такой злостный нарушитель и фейкометчик, как у него было всего три разговора? Дело все в том, что просто обвинение из всей той массы разговоров только эти разговоры посчитало тем, что они могут хотя бы попытаться вменить в качестве вины.

Обращаю внимание, что все подобные статьи, которые появились еще со времен новой коронавирусной инфекции, в их основе лежит самое главное: кроме публичности, заведомая

недостоверность распространяемой информации. Уважаемый государственный обвинитель говорил много, но он нигде не говорил, по какой причине он так убежден, что мой подзащитный был уверен в лживости этой информации.

Сейчас многие другие мои коллеги по делам этой категории пытаются вступать в спор с обвинением, с государством о том, что есть факт, а что нет. А я не вижу никакой необходимости этого делать. И сюда притаскивать большие выписки из каких-то международных обзоров, где описываются события, которые оцениваются как-то по-другому.

Все это вал мнений, а не фактов. Я, к примеру, когда началась СВО, ездил на электричке в другой регион. И я был поражен: все люди сидели с телефонами и все читали про войну. То есть на тот момент сознание граждан было захвачено этими событиями. Мой подзащитный — человек эмоциональный, возбудимый, к тому же уроженец Украины. Естественно, он воспринимал это все как личное и об этом переживал. И об этом говорил, и об этом думал, и искал тех, с кем он может этим поделиться.

Но обратите внимание, ни в одном томе уголовного дела, ни на одном листе нету ничего, что бы говорило о том, что он знал, что информация, которую он распространяет, является недостоверной. А из чего следствие вообще сделало подобный вывод?

Мой подзащитный в своих первых показаниях — а мы с ними не согласны, потому что они были даны вне установленной УПК нормы, — признал

себя виновным. Вот перед вами человек, он признал себя виновным. Ему предоставляется возможность подписать какие-то показания, наиболее удобные для следствия. Даже если мы внимательно посмотрим на эти показания, мы увидим, что следователю даже в голову не пришло спросить: «А вы знали, что эта информация недостоверная?».

Там такого нет. Наоборот, мой подзащитный и тогда говорил: «Я был уверен в правдивости этой информации». Даже в признательных показаниях. Если человек дает признательные показания, нужно подробно его расспросить, в чем именно он признает себя виновным. Если же он не знал, что эта информация ложная, в данном случае не то что состава преступления нет — события преступления нет.

Все, что представлено в материалах дела, в том числе то, на что ссылается государственный обвинитель, — это то, что была обнаружена некая переписка моего подзащитного, где он переписывается с неким источником из Украины. То есть они сами же представляют доказательства того, что были источники, которыми пользовался мой подзащитный.

На сегодняшний день ни законов, ни норм, ни правил о том, что пользоваться такими источниками нельзя, нету. Каждый человек имеет право доверять своим источникам или уж точно имеет право усомниться в правдивости официальной информации.

Один из свидетелей здесь привел неплохой пример. В какой-то момент руководитель нашего

государства сказал, что срочников на фронте нет. А через некоторое время Министерство обороны подтвердило, что срочники на фронте есть. Распространил ли глава нашего государства в тот момент фейки? Нет, не распространил, потому что он пользовался источником третьей стороны, он был введен в заблуждение сам.

Но по логике государственного обвинителя он тоже виноват! Потому что обвинение по всем этим новым цензурным, или можно их назвать военными статьями... В них во всех идет *объективное вменение*[3]:

если распространил, значит, был уверен в том, что это ложь. А чем это доказывается?

Мой подзащитный последовательно, даже когда признавал вину, говорил, что он убежден, что все это правда. Заблуждение не является преступлением и не может являться.

Мне представляется, что признание моего подзащитного виновным по делу такой категории по сути будет означать, что любой частный разговор, даже на кухне, даже в разное время с разными людьми, может признаваться публичным распространением информации. Это чудовищное вмешательство в частную жизнь людей. Тем более в период событий, которые можно назвать глобальными. Естественно, что сознание людей возбуждено всем этим, и они хотят это обсудить. Они боятся, они переживают, они тревожатся.

Обвинение привело всех адресантов так называемых фейков в суд. И что сказали эти свидетели? Они все в один голос утверждали, что к словам Сергея

они всерьез не относились. В их патриотизме, в их отношении к СВО ничего не изменилось. Никто из них никаким третьим лицам содержания этих разговоров не пересказывал. Вот свидетель Зимин говорил, что вообще не смог вспомнить, когда точно были эти разговоры — до 4 марта или после. А закон, по которому судят моего подзащитного, вступил в силу именно 4 марта.

Здесь вообще интересный аспект дела. При публичном распространении информации обычно речь идет о неограниченном круге лиц. А тут мы всех знаем, этих лиц, потому что это были непубличные разговоры. Обращаю внимание, ваша честь, что за этими разговорами не было никаких реальных дел, не было никаких пресс-конференций, не было ничего.

В ответе на мое ходатайство о прекращении уголовного дела следователь пишет, что мой подзащитный пытался убедить других людей распространять недостоверную информацию. И тут следствие просто запуталось в обстоятельствах дела. Если он пытался убедить других людей распространять информацию, то это подстрекательство к совершению распространения «фейков». В чем все же обвиняется мой подзащитный? В подстрекательстве или в оконченном преступлении? В какой момент его преступление было окончено? В момент первого разговора, второго, третьего?

Более того, уголовное дело было один раз возвращено прокурору с указанием того, что не было установлено место совершения преступления. И когда суд отменял это постановление, он указал, что это будет в

процессе рассмотрения дела установлено. А мы этого так и не установили, даже места якобы совершения преступления. А это уже основание вернуть дело прокурору.

Ну и, безусловно, поражает запрошенный срок. Это практически по верхнему пределу-[4] нормы, а чем государственный обвинитель

это мотивировал? Отягчающее обстоятельство, причем в совокупности со смягчающими, не дает оснований наказывать моего подзащитного практически по верхнему пределу нормы. Он к уголовной или административной ответственности ранее не привлекался, по работе он характеризуется безупречно, семьянин, женат. Все это время он честно служил своей стране.

Никаких оснований вырывать его из общества на целых девять лет. Его обвиняют в разговорах. Обращаю внимание, что в самом начале, когда суд только начинал рассмотрение по существу, мы сразу начали давать показания. Мой подзащитный дал показания, что он не признает себя виновным, но он раскаивается в сказанном и обращает внимание на то, что эти разговоры стали известны обществу только благодаря этому уголовному делу. А так бы это все осталось просто разговорами.

Я глубоко убежден, что в действиях моего подзащитного отсутствует не только состав преступления, но и событие. В первую очередь потому, что его разговоры не были публичными. Вторая причина: потому что он был убежден в правдивости этой информации. И наконец, третье: потому что те экспертные оценки, которые положены

в основу обвинения, являются по своей природе недопустимым доказательством.

Это подробно изложено в рецензии, которая приобщена к материалам дела, и она обвинением никоим образом не опровергнута.

Более того, мой подзащитный обвиняется в распространении недостоверной информации по мотивам ненависти. Но ненависть к кому? Если человек на протяжении какого-то длительного времени, например, говорит, что он ненавидит китайцев, а потом наносит тяжкие телесные повреждения китайцу, наверное, может следователь установить, что этот человек много лет выражал ненависть, а потом реализовал ее.

Но разве мы в быту не говорим частенько какие-то слова, которые содержат паттерны ненависти? «Я тебя убью», «я взорву этот магазин, если там не начнут продавать нормальное молоко» и прочее. Да и не очень-то мы следим за собой, когда говорим с друзьями, шутим и так далее.

Если все эти разговоры квалифицировать как ненависть, то получится, что вся наша жизнь движется одной ненавистью или враждой по отношению друг к другу.

Единственное требование, которое в данном случае безальтернативное, которое я могу здесь огласить, — это только то, что я прошу моего подзащитного полностью оправдать.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Скорее всего, адвокат имеет в виду постановление Пленума Верховного суда от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором говорится: «Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела». В качестве примеров в постановлении приводятся выступления на митингах, плакаты, расклейка листовок и массовая рассылка сообщений.
2. 207.3 УК — публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил, исполнении государственными органами своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.
3. Привлечение к уголовной ответственности без установления вины. Объективное вменение прямо запрещено статьей 5 УК.
4. Максимальное наказание по части 2 статьи 207.3 УК — 10 лет лишения свободы.